

Введение

КАК АРАБСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ ПОВЛИЯЛИ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ МИР-СИСТЕМЫ

Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев

Ближний Восток – это регион, который много десятилетий находится в центре внимания, поскольку он постоянно преподносит такие «сюрпризы» и повороты, которые ощутимо отражаются на всем мире. Это неудивительно, ибо здесь тесно сплелись геополитические интересы мировых и региональных держав; крупнейшие запасы энергоресурсов позволяют влиять на уровень цен на них, а острые проявления религиозного фанатизма создают питательную среду для террористов. Стоит также упомянуть неурегулированные вопросы создания национальных государств, пестроту этнического и религиозного состава населения во многих местах, избыток богатства, громадные закупки вооружения и многое другое, чтобы представить сложность и тревожность общей картины.

Начавшаяся здесь в конце 2010 г. цепь революций первоначально вызвала восторженную реакцию Запада и наиболее образованных слоев исламского общества. Поэтому данные революции получили название «Арабская весна». Но, к сожалению, они не решили практически ни одной из существующих проблем ни в одной из стран и в то же время вызвали череду переворотов, гражданских войн, интервенций и неутрачиваемое противостояние в обществе, ведущее к разгулу террора и репрессий. Словом, Арабская весна сменилась «Арабской осенью» или даже зимой, которая грозит затянуться.

Одной из главных тем настоящего мониторинга является теория революции, в том числе в приложении ее к арабским революциям. Читатель сможет ознакомиться с разными точками зрения на этот предмет в тех или иных статьях настоящего мониторинга. Тем не менее несколько общих идей имеет смысл высказать и во *Введении*.

Революции сопровождают политическую историю на протяжении многих тысячелетий. История некоторых регионов, например

эллинистических государств и Древнего Рима, а равно и многих государств Востока может быть описана в революционном аспекте как борьба социальных и политических групп за распределение ресурсов и власти. Но одной из ведущих движущих сил исторического процесса революции стали только с периода Новой истории. С крупнейшими социальными и политическими революциями в Англии, Франции, других странах Европы, Северной Америки, а затем и остальных континентов обычно связывают ускорение модернизации и глубокие трансформации общества¹.

В основе революций начиная с Нового времени в большинстве случаев лежат серьезные диспропорции в развитии общества, которые появились в результате ускоренной модернизации. Эти диспропорции усиливаются быстрым ростом населения, особенно резким увеличением доли горожан и молодежи в его структуре, что часто вызывает социальное напряжение.

Наши исследования на примере целого ряда моделей развития различных стран в разные эпохи показали, что сами процессы модернизации независимо от уровня потребления и темпов демографического роста достаточно тесно и органично связаны с опасностью социально-политических катаклизмов, которые сравнительно легко могут перерасти в революции и кровавые потрясения². Поэтому в качестве исключения следует рассматривать скорее случаи бескризисного развития в условиях модернизации и выхода из мальтузианской ловушки, чем случаи революций и политических потрясений.

В результате нередко получается, что революции происходят именно в экономически успешных или даже очень успешных обществах. Однако именно этот успех ведет к завышенным ожиданиям, которые становятся идеологической базой для социального

¹ О различных взглядах на модернизацию см.: Хантингтон 2004; Побережников 2006; Травин, Маргания 2004; Нефедов 2007; Яковлев 2010; Гринин 2013б; Инглхарт, Вельцель 2011. На связь революций и модернизации указывал целый ряд исследователей (см., например: Lipset 1959; Cutright 1963; Moore 1966; Dahl 1971; Brunk *et al.* 1987; Rueschemeyer *et al.* 1992; Burkhart, Lewis-Beck 1994; Londregan, Poole 1996; Epstein *et al.* 2006; Voix 2011; Хантингтон 2004; Хобсбаум 1999; Стародубровская, Мау 2004; Голдстоун 2015).

² См.: Гринин 2010б; 2010а; 2011б; 2012; 2013а; 2013б; 2014в; 2014б; Гринин, Коротаев 2012; Коротаев 2012; Коротаев, Зинькина 2010; Коротаев, Божевольнов и др. 2011а; 2011б; Коротаев, Малков и др. 2012; Коротаев, Халтурина и др. 2011; Коротаев, Малков 2014; Grinin 2012; 2013; Korotayev *et al.* 2011; Korotayev 2014; Korotayev, Malkov, Grinin 2014.

взрыва. В таких странах, как Египет и Тунис, к 2010-м гг. ситуация развивалась именно по такой модели (см.: Гринин и др. 2016).

По мере ускорения исторического развития множилось и число революций. Особенно богат ими оказался XX в. Революция – это особая форма смены политической власти или политического (социально-политического) режима. Большой знаток теории революции В. И. Ленин справедливо отмечал, что главный вопрос любой революции – вопрос о власти. Отметим, что любая смена власти, даже самая легитимная, неважно, в монархическом или демократическом устройстве, неизбежно ведет к более или менее заметным сбоям в функционировании административно-политической машины. Смена же власти путем революции подразумевает значительно более резкий сбой в работе системы, часто с непредсказуемыми последствиями. Вот почему в целом революции всегда были очень разрушительным и затратным способом социального прогресса.

Кроме того, отношение к ним менялось в зависимости от общественной позиции социальных исследователей и общего состояния общества. Так, в XX в. революции стали связывать с опасностью установления коммунистических режимов, поэтому большинство западных политологов оценивали их негативно, а общий тренд исследований в странах Запада был обусловлен необходимостью понять причины революции и найти способы их предотвращения.

Крушение социализма окончательно убедило в том, что революции перестали быть сколько-нибудь приемлемым средством социального прогресса в современный период. Однако, как ни парадоксально, именно с этого времени США и западные страны резко изменили свое отношение к революциям, поскольку теперь (как только угроза установления коммунистических режимов в результате революции исчезла) их стали рассматривать как позитивное и выгодное для западных стран явление. Революции вновь, как и раньше, стали отождествлять с демократией, а демократию рассматривать как в любом случае позитивную форму. Так ли это, исследуется в настоящем ежегоднике.

Конец XX и начало XXI в. стали периодом нового типа революций, в которых увеличилась доля внешнего вмешательства и инспирирования, использования «рукотворных», нестихийных революций для свержения неугодных режимов. Целая цепь таких революций, получивших название «цветных», прокатилась по ряду

стран. Таким образом, революции вновь стали использовать как важнейший инструмент геополитики, только теперь уже не коммунистические государства, а демократические. Для этого в избранных странах активно подготавливалась оппозиция, которая при возможности проходила обучение с помощью западных инструкторов; также в качестве координаторов и штабов всякого рода использовались НКО и дипмиссии. К сожалению, чаще всего позитивный эффект таких революций был минимальным, зато негативный – разрушительным. Влияние зарубежных сил на революции на Ближнем Востоке прослеживается очень явно (об этом подробно идет речь в нашем ежегоднике). Но важно понимать, что революции никогда не определяются только внешним воздействием, они всегда являются результатом внутреннего кризиса. Причины и условия такого кризиса в отношении целого ряда ближневосточных стран мы пытаемся проследить в представленной работе.

В то же время, как показано выше, общепризнанного определения революции не существует. Это связано еще и с тем, что революционные или квазиреволюционные потрясения происходят в странах с очень разным уровнем развития. Если революции в таких государствах, как Египет и Тунис, определялись внутренним социальным напряжением, то в ряде других арабских стран потрясения были вызваны внутренними этноконфессиональными противоречиями. Они никогда на самом деле не исчезали и получили импульс вследствие целого набора факторов, включавших в себя, помимо собственно социального недовольства, также пример других стран, инспирирование протестов и активную помощь извне. Это мы видим на примере Ливии, Йемена, Сирии, в которых фактор внешнего вмешательства, прямой или прикрытой интервенции развязал узел этноконфессиональной вражды. Последняя сдерживалась только достаточно жесткими и авторитарными режимами. Стоило только свергнуть этот режим, как в стране начинался хаос. Для стран, в которых не сложилась прочная государственность, имеющих низкий уровень культуры многих групп населения, идея революции является крайне опасной и ведет к дестабилизации. Таким образом, демократические идеи приходят в столкновение с потребностями в стабильности, в результате порядок передачи власти в авторитарных режимах становится их уязвимой точкой.

Важно подчеркнуть, что за пять лет ни одна революция Арабской весны не решила ни одной серьезной проблемы (и, видимо, не могла решить). Приходится констатировать: все, что требовалось делать для модернизации, либо уже делалось, либо могло делаться в рамках авторитарных режимов. Все это ставит вопрос о том, насколько универсальными могут считаться демократические принципы управления.

Революции, безусловно, могут всколыхнуть общество, активизировать новые силы, поднять на повестку дня актуальные вопросы, дать большой политический опыт. Они могут что-то изменить в позитивном плане. Но не так уж много шансов на то, что революции реально решат наиболее важные проблемы. И, к сожалению, пока модель развития идет не по желательной схеме от революции к демократии, а от революции либо к контрреволюции (как в Египте), что выглядит предпочтительнее, либо к новым революциям, либо просто к хаосу и гражданской войне всех со всеми, что мы видим сегодня в Ливии, Йемене, Сирии, а то и к возникновению террористических образований вроде «Исламского государства»*.

Другая ведущая проблема настоящего мониторинга – влияние событий Арабской весны на Мир-Систему. Здесь также читатель найдет различные точки зрения и аспекты этого влияния на мировую динамику в тех или иных статьях настоящего выпуска. Однако некоторые важные моменты стоит выделить уже во Введении.

Арабские революции как предвестник реконфигурации мира. В 2009–2010 гг. мы высказывали предположение, что в ближайшее время «международная система начнет трансформироваться быстрее и значительнее. Следовательно, мы входим в период поиска новых структурных и системных решений в рамках Мир-Системы, а это означает в ближайшем будущем достаточно сложный период. Выработка и упрочение модели нового политического порядка в рамках Мир-Системы будут трудным, длительным, а также относительно конфликтным процессом». При этом можно ожидать, что формы реализации этих изменений в мире могут быть самыми разными: от незаметных до внезапных (Гринин 2009: 135; см. также: Grinin, Korotayev 2010; 2015; Grinin и др. 2015).

* Данная организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена. – *Прим. ред.*

События Арабской весны (см.: Коротаев и др. 2012; Гринин и др. 2015) полностью подтвердили этот прогноз, внеся в само представление о нестабильности новые нюансы. Нами был сделан вывод, что бурные события конца 2010 – 2011 г. в Арабском мире, включая революции и волнения, казалось бы, в относительно благополучных и динамично развивающихся Египте и Тунисе, богатых Бахрейне и Омане, являются началом структурных изменений, даже более того, **началом реконфигурации мира** (см.: Гринин 2011a; 2012a; 2012б; 2012в; 2014a; 2015; Grinin, Korotayev 2012; 2014a; 2014b; 2015; Гринин и др. 2016). Развитие событий в 2012–2015 гг. на Ближнем и Среднем Востоке и в других регионах, особенно на Украине, но также и на Дальнем Востоке (Гринин 2014a), все более убеждает нас в том, что реконфигурация мира началась и идет довольно активно.

Почему должна была начаться реконфигурация Мир-Системы? Дело в том, что экономическая составляющая глобализации в течение последних десятилетий существенно обогнала ее политическую составляющую. Также произошло радикальное изменение баланса экономических сил в мире, связанное с возрастанием экономической мощи развивающихся стран и уменьшением экономической силы центра Мир-Системы (этот процесс назван нами Великой конвергенцией, см.: Grinin, Korotayev 2015). Все это создает объективные условия для пересмотра мирового порядка. Однако оно вовсе не влечет за собой автоматическое изменение военно-политического баланса. Для этого, образно говоря, требуется подтягивание политической составляющей мирового развития (политической глобализации) к экономической. Вновь повторим, что вторая значительно опередила первую. Дальнейшее развитие без такого подтягивания будет затруднительным. *Такое неизбежное сокращение разрыва между экономической и политической глобализацией мы и назвали реконфигурацией Мир-Системы.*

Основные векторы этой реконфигурации – ослабление прежнего центра Мир-Системы (США и Запада), одновременное усиление позиций ряда периферийных стран и в целом увеличение роли развивающихся стран. При этом необходимо иметь в виду, что такое подтягивание (политической составляющей глобализации к экономической) происходит рывками и означает более или менее острые политические и геополитические кризисы в тех или иных регионах.

Мы рассматриваем кризисы и потрясения на Ближнем Востоке и Украине именно как такие реконфигурационные кризисы, которые одновременно являются и геополитическими, требующими изменения мирового порядка. При этом становится все более вероятным возникновение мощных и, вероятно, внезапных кризисов в тех или иных обществах или регионах. Их внезапность может оказаться сродни землетрясению. И, продолжая геологические сравнения, стоит заметить, что подобно тому как тектонические сдвиги происходят по линии наиболее подвижной земной коры и на границе тектонических плит, такого рода реконфигурационные кризисы также возникают в регионах и обществах, наименее устойчивых и лежащих на стыках геополитических «плит». И весьма вероятны дальнейшие разломы.

Как Ближний Восток, так и Украина относятся к таким регионам. Поэтому можно предположить, что особо значимые изменения будут происходить в периферийных странах, которые, образно говоря, лежат на стыке геополитических «плит». На стыках находятся также общества Закавказья и Средней Азии, Западного Китая (Тибет и Сянцзян), Западной Африки (на стыке исламской и Тропической Африки), некоторые районы Южной Америки. Это довольно неустойчивые регионы, где уже проявляются некоторые симптомы кризиса либо они возможны (но это не означает, что кризис обязательно состоится). Напомним также, что в одном из выпусков мониторинга (Коротаев и др. 2014) анализировались пять главных зон нестабильности, которые условно можно обозначить как Центральноазиатскую (включающую Афганистан и Пакистан), Ближневосточную, Североафриканскую, регион Сахеля и Тихоокеанскую. При этом последняя явно выделяется из общего списка, распространяясь исключительно вдоль границ Китайской Народной Республики и являясь скорее следствием китайских внешнеполитических приоритетов и амбиций. Что же касается остальных регионов, то они в совокупности представляют собой единую непрерывную «афразийскую макрозону нестабильности» (см. также: Коротаев, Исаев 2014; Коротаев и др. 2015).

Но речь идет не только о полупериферии и периферии Мир-Системы. Неустойчивость проявляется и в ядре Мир-Системы, о чем свидетельствуют политические кризисы в ЕС (в частности, выход Великобритании из него и угроза выхода других стран), а так-

же сложная политическая ситуация в США (связанная с выборами президента в 2016 г.), которая потенциально ведет к расколу общества.

Таким образом, повторим, необходимость в подтягивании политической составляющей (что рано или поздно неизбежно должно привести к формированию нового мирового порядка) означает, что какое-то значимое время (одно-два десятилетия) мир будет находиться в весьма турбулентной эпохе с характерными для нее кризисами и усилением напряженности (Гринин 2015; Grinin 2009; 2013; Grinin, Korotayev 2012; 2014a; 2015). Кроме того, указанное подтягивание предполагает, что экономическое развитие мира в этот период будет относительно слабым (Там же), а это дополнительно может усилить напряженность, так и склонить страны к сотрудничеству.

Настоящий мониторинг состоит из трех частей.

Часть I «Арабская весна и ее глобальное эхо» открывает исследование *А. В. Коротаева, К. В. Мещериной, Л. М. Исаева, А. С. Искоскова, У. Д. Херна и Е. Д. Куликовой «Арабская весна как триггер глобальной социально-политической дестабилизации: опыт систематического анализа»*. Показано, что Арабская весна выступила в качестве триггера глобальной волны социально-политической дестабилизации, значительно превысившей по своим масштабам масштабы самой Арабской весны и затронувшей абсолютно все мир-системные зоны. После начала Арабской весны взрывообразный глобальный рост наблюдался для подавляющего большинства показателей социально-политической дестабилизации – для антиправительственных демонстраций, массовых беспорядков, политических забастовок, террористических актов/партизанских действий и политических репрессий. В 2011 г. особенно мощный рост числа демонстраций, беспорядков и забастовок был отмечен в Арабском мире и странах Запада. В 2012–2015 гг. на фоне очень заметного уменьшения числа демонстраций, беспорядков и забастовок в Арабском мире наблюдался значительный рост их числа на Западе, в Латинской Америке (практически не затронутой глобальной дестабилизационной волной в 2011 г.), в Африке южнее Сахары, в странах Азии, на Среднем Востоке, а также в государствах Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Этот рост с лихвой компенсировал снижение количества демонстраций,

беспорядков и забастовок в Арабском мире, и в 2014–2015 гг. глобальное число демонстраций, беспорядков и забастовок значительно превзошло до того времени рекордные уровни 2011 г. Главный вклад в выход Мир-Системы на эти рекордные уровни внесли страны Запада, Азии и Латинской Америки, однако общее количество крупных антиправительственных демонстраций и массовых беспорядков, зафиксированное в эти годы во всех мир-системных зонах без исключения, значительно превышало уровни, наблюдавшиеся там в годы, предшествовавшие началу Арабской весны.

Статья *А. В. Кортаева, Л. М. Исаева и А. Р. Шишкиной* «Арабская весна как квазисуперкритическое явление?» посвящена тому, что с формальной точки зрения Арабскую весну можно рассматривать как квазисуперкритическое явление. Это дополнительно подтверждает ранее выдвинутый авторами тезис о том, что в 2011–2012 гг. Мир-Система испытала в некотором отношении фазовый переход в качественно новое состояние глобальной протестной активности подобно тому, что мы наблюдали в начале 1960-х гг. Это во многом было связано с произошедшим после Второй мировой войны ростом глобальной информационной связанности и совершенствованием средств протестной самоорганизации, обусловленным распространением телевидения, портативных транзисторных радиоприемников, мегафонов и других технологий четвертого кондратьевского цикла. При этом, несмотря на то, что глобальная информационная связанность нарастала все 1950-е гг., рост протестной активности произошел не плавно, а скачкообразно в самом начале 1960-х гг. В последние 20 лет перед Арабской весной наблюдалась вполне выраженная тенденция к спаду глобальной протестной активности, и в 2010 г. она была самой низкой с середины 1970-х гг. Но даже в 2010 г. она была выше, чем что бы то ни было, зафиксированное в CNTS до 1960 г. Второй фазовый переход был подготовлен новой волной роста глобальной информационной связанности и совершенствования средств протестной самоорганизации, обусловленной распространением технологий пятой кондратьевской волны (Интернет, спутниковое телевидение, социальные сети, в том числе «Твиттер», мобильная телефония и т. п.).

Статья *Л. Е. Гринина и А. В. Кортаева* «Революции как особая стадия развития общества и Арабская весна» фактически делится на три части. В первой части проводится анализ соотношения ре-

волюции и модернизации, тех взаимосвязей, опасностей и ловушек, которые возникают вследствие ускоренного развития общества и могут вести к революциям. Показано, почему революции происходят в период после некоторого (порой длительного) повышения уровня жизни населения, почему революции возможны именно в экономически успешных обществах, каким была, например, предреволюционная Россия, а также Египет, Тунис перед Арабской весной. Однако именно этот успех ведет к завышенным ожиданиям, которые становятся идеологической базой для социального взрыва. В таких странах, как Египет и Тунис, к 2010-м гг. ситуация развивалась именно по данной модели. Делается вывод, что революции на том или ином этапе модернизации – скорее закономерность, чем случайность.

Вторая часть статьи посвящена анализу взглядов на революцию, выделяются этапы развития этих взглядов, называются поколения ученых, соответствующие каждому этапу, и особенности их подходов.

В третьей части дается анализ революций как неизбежного и опасного периода жизни многих обществ. Делается вывод, что в целом революции всегда были очень разрушительным и затратным способом социального прогресса. Наконец, эти выводы прилагаются к событиям Арабской весны. Показано, что в результате революционных событий в арабских странах не удалось решить ни одной серьезной проблемы, которая стояла перед обществами накануне революций. Соответственно, революции, по сути, отбросили арабские страны назад, не приведя их к возможности создать по настоящему демократическое общество.

Статья *Л. Е. Гринина* «Мировой порядок, Арабская весна и наступающий период глобальной турбулентности» в целом посвящена анализу мирового порядка в прошлом, настоящем и будущем, при этом особое место автор уделяет Арабской весне как началу реконфигурации мирового порядка.

Глобализация за последние три-четыре десятилетия существенно повлияла на систему мирового порядка. И сейчас она начала менять баланс экономических сил в мире в пользу развивающихся стран. Радикальное изменение этого баланса создает объективные условия для пересмотра мирового порядка, однако вовсе не влечет за собой автоматическое изменение баланса военно-политического.

Для этого, образно говоря, требуется подтягивание политической составляющей мирового развития (политической глобализации) к экономической. Очевидно, что вторая значительно опередила первую и дальнейшее развитие без такого подтягивания будет затруднительным. Неизбежное сокращение разрыва между экономической и политической глобализацией автор назвал реконfigurацией Мир-Системы. Но подтягивание политической составляющей глобализации к экономической происходит рывками и означает более или менее острые политические и геополитические кризисы в тех или иных регионах. Автор рассматривает кризисы и потрясения на Ближнем Востоке и Украине именно как такие реконfigurационные кризисы, которые одновременно являются и геополитическими, требующими изменения мирового порядка. В статье дается описание причин и направлений изменения мирового порядка в ближайшие десятилетия.

Часть II «Моделирование и прогнозирование рисков дестабилизации: вопросы методологии» состоит из трех статей.

Н. С. Розов в работе «Типология, критерии выделения и основы динамики революционных волн в мировой истории» рассматривает революционные волны как серии близких по времени революционных событий, которые происходят в различных (нередко соседних) обществах, служат причинами друг для друга или имеют общие причины. Революционные события, понимаемые как массовые протестные выступления, сопряженные с политическим кризисом, автор для краткости называет революциями, причем вне зависимости от последствий: революция может победить (свержение власти или значимые уступки), быть усмиреной (нет свержения, нет уступок, но нет и репрессий) или подавленной (реакция, массовые аресты, казни).

В статье *В. В. Цыганкова* «Типы революционных волн (на материале истории раннего модерна)» продолжается исследование революционных волн – комплексного процесса, который объединяет последовательность из нескольких революций. Автором проведены анализ и уточнение критериев для выделения отдельных видов волн в истории стран Европы, России и Турции в период раннего Нового времени. В тексте предложены следующие виды зависимости между революциями: эндо/экзоструктурная, идейная, организационная и «домино-зависимость». Основные виды связей

между революциями применительно к рассматриваемому периоду объяснены с использованием концепции абсолютных монархий (применяемой как в рамках теории формаций, так и в рамках теории эволюции режимов), модели военной революции (в рамках теории модернизации) и модели «ядро – периферия» (в рамках миротемного анализа). Исходя из предложенного объяснения, в европейской истории XVI–XVIII вв. было выделено четыре длинных волны структурно зависимых революций и около десятка коротких волн, в которых выполняется «домино-динамика».

Статья *А. В. Кортаева, Е. В. Слинько и С. Э. Билуги* «Тип режима и социально-политическая нестабильность» подводит итоги проведенных авторами эмпирических тестов с использованием баз данных CNTS и Freedom House, которые в целом подтвердили наличие U-образной зависимости уровня социально-политической дестабилизации от типа режима, когда более устойчивыми оказываются консолидированные демократии и последовательные автократии, а менее устойчивыми – промежуточные режимы. Вместе с тем проведенное исследование позволило выявить целый ряд важных деталей: 1) U-образная зависимость уровня социально-политической дестабилизации от типа режима, как правило, характеризуется выраженной асимметрией; 2) сам характер этой асимметрии может меняться с течением времени; 3) характер U-образной зависимости претерпел очень существенные изменения после окончания холодной войны; 4) в период до окончания холодной войны (1973–1991 гг.) U-образная зависимость была более сильно выражена, а наиболее высокий уровень социально-политической дестабилизации был характерен для неконсолидированных демократий; 5) в период после окончания холодной войны (1992–2012 гг.) U-образная зависимость стала выражаться заметно слабее, а наиболее высокий уровень социально-политической дестабилизации стал характерен скорее для непоследовательных автократий.

В части III «Вопросы политической демографии» представлено обширное исследование *А. С. Ходунова* «Демографическая динамика Сербии, Черногории и Республики Сербской в конце XX – начале XXI в. Есть ли возможность остановить катастрофу?». В нем рассматривается демографическая динамика Сербии, Черногории и Республики Сербской в конце XX – начале XXI в. Демо-

графическое развитие этих стран и территорий в настоящее время отличается очень быстрым нарастанием неблагоприятных демографических тенденций, таких как ускоренное снижение рождаемости, которая давно уже находится ниже уровня, необходимого для замещения поколений, а также быстрое старение населения. В результате с начала рассматриваемого периода наблюдается значительная убыль населения, которая выходит на уровень, угрожающий выживанию сербского народа. Особенно тяжелая ситуация наблюдается в Сербии. Если ничего не предпринять, ее население сократится на 30 % уже через 25 лет, утверждает автор, приводя свои варианты выхода из демографического кризиса.

Библиография

- Голдстоун Дж. 2015. *Революции. Очень краткое введение*. М.: Изд-во Инта Гайдара.
- Гринин Л. Е. 2009. Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям? *Век глобализации* 2: 117–140.
- Гринин Л. Е. 2010а. Модернизационные ловушки как часть процесса трансформации сверхсложных аграрных обществ в индустриальные. *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»* 36 (материалы 12-й конференции АИК. Октябрь 2010). М.: Изд-во МГУ. С. 85–96.
- Гринин Л. Е. 2010б. Мальтузианско-марксова «ловушка» и русские революции. *О причинах Русской революции* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М.: ЛКИ/URSS. С. 198–224.
- Гринин Л. Е. 2011а. Из мальтузианской ловушки в ловушку модернизации. К прогнозированию динамики политической нестабильности в странах мир-системной периферии. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: Красанд/URSS. С. 337–356.
- Гринин Л. Е. 2011б. Сценарии китайского будущего: не возобладают ли факторы торможения? *Общество и экономика* 8–9: 256–276.
- Гринин Л. Е. 2012а. Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 188–223.
- Гринин Л. Е. 2012б. Китайская модель и перспективы лидерства Китая в мире. *Век глобализации* 2: 43–61.

- Гринин Л. Е. 2012в.** Реконфигурация мира, или наступающая эпоха новых коалиций (возможные сценарии ближайшего будущего). *История и современность* 2: 3–27.
- Гринин Л. Е. 2012г.** Опасность социально-политического кризиса в процессе модернизации. *Вестник КИГИТ* 6: 39–63.
- Гринин Л. Е. 2013а.** Государство и его кризис в прошлом и настоящем. *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий* 3(7): 26–30.
- Гринин Л. Е. 2013б.** Государство и кризисы в процессе модернизации. *Философия и общество* 3: 29–59.
- Гринин Л. Е. 2014а.** Глобальный экономико-политический баланс в XXI веке: смена вектора. *Философия и общество* 1: 31–54.
- Гринин Л. Е. 2014б.** Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям? *Куда движется век глобализации?* / Ред. А. Н. Чумаков, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель. С. 95–119.
- Гринин Л. Е. 2014в.** Модернизационные (постмальтузианские) ловушки. *История и Математика: аспекты демографических и социально-экономических процессов* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. Волгоград: Учитель. С. 98–127.
- Гринин Л. Е. 2015.** Новый мировой порядок и эпоха глобализации. Ст. 1. Американская гегемония: апогей и ослабление. Что дальше? *Век глобализации* 2: 2–17.
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2015.** *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2016.** *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012.** *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек*. М.: ЛКИ/URSS.
- Инглхарт Р., Вельцель К. 2011.** *Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития*. М.: Новое издательство.
- Коротаев А. В. 2012.** Ловушка на выходе из ловушки. К математическому моделированию социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии. *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие* / Ред. Ж. Т. Тощенко. М.: РСО. С. 1483–1489.

- Коротаев А. В., Божевольнов Ю. В., Гринин Л. Е., Зинькина Ю. В., Кобзева С. В. 2011а.** К прогнозированию рисков политической нестабильности в странах Африки на период до 2050 г. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 357–379.
- Коротаев А. В., Божевольнов Ю. В., Гринин Л. Е., Зинькина Ю. В., Малков С. Ю. 2011б.** Ловушка на выходе из ловушки. Логические и математические модели. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: Красанд/URSS. С. 138–164.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2010.** Прогнозирование социополитических рисков: ловушка на выходе из мальтузианской ловушки. *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»* 6: 101–102.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. (Ред.) 2012.** *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года.* М.: ЛКИ.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М. 2014.** Формирование «афразийской» зоны нестабильности. *Арабский кризис и его международные последствия* / Ред. А. М. Васильев, А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев. М.: Ленанд/URSS. С. 206–227.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. 2015.** Формирование афразийской зоны нестабильности. *Восток 2*: 88–99.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р., Гринин Л. Е. (Ред.) 2014.** *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков.* Т. 5. Волгоград: Учитель.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2014.** Ловушка на выходе из мальтузианской ловушки в современных модернизирующихся обществах. *История и Математика: Аспекты демографических и социально-экономических процессов* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. Волгоград: Учитель. С. 43–98.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю., Бурова А. Н., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. 2012.** Ловушка на выходе из ловушки. Математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события Арабской весны 2011 г. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 210–276.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. 2011.** Ловушка на выходе из ловушки? О некоторых особенностях политико-

- демографической динамики модернизирующихся систем. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: Красанд/URSS. С. 45–88.
- Нефедов С. А. 2007.** *Концепция демографических циклов.* Екатеринбург: Изд-во УГГУ.
- Побережников И. В. 2006.** *Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации.* М.: РОССПЭН.
- Стародубровская И., Мау В. 2004.** *Великие революции. От Кромвеля до Путина.* М.: Вагриус.
- Травин Д., Маргания О. 2004.** *Европейская модернизация.* М.: АСТ.
- Хантингтон С. 2004.** *Политический порядок в меняющихся обществах.* М.: Прогресс-Традиция.
- Хобсбаум Э. 1999.** *Век революции. Европа 1778–1848.* Ростов н/Д.: Феникс.
- Яковлев А. И. 2010.** *Очерки модернизации стран Востока и Запада в XIX–XX веках.* М.: URSS.
- Voix C. 2011.** Democracy, Development, and the International System. *American Political Science Review* 105(4): 809–828.
- Brunk G. G., Caldeira G. A., Lewis-Beck M. S. 1987.** Capitalism, Socialism, and Democracy: An Empirical Inquiry. *European Journal of Political Research* 15(4): 459–470.
- Burkhart R. E., Lewis-Beck M. S. 1994.** Comparative Democracy: the Economic Development Thesis. *American Political Science Review* 88(04): 5–19.
- Cutright P. 1963.** National Political Development: Social and Economic Correlates. *Politics and Social Life: An Introduction to Political Behavior* / Ed. by N. W. Polsby, R. A. Dentler, P. A. Smith. Boston: Houghton Mifflin.
- Dahl R. A. 1971.** *Polyarchy: Participation and Opposition.* New Haven: Yale University Press.
- Epstein D. L., Bates R., Goldstone J., Kristensen I., O'Halloran S. 2006.** Democratic Transitions. *American Journal of Political Science* 50(3): 551–569.
- Grinin L. E. 2009.** The State in the Past and in the Future. *Herald of the Russian Academy of Sciences* 79(5): 480–486.
- Grinin L. 2012.** State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization. *Clodynamics: The Journal of Theoretical and Mathematical History* 3(1): 124–157.

- Grinin L. E. 2013.** State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization. *Social Evolution & History* 12(2): 35–76.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2010.** Will the Global Crisis Lead to Global Transformations? 2. The Coming Epoch of New Coalitions. *Journal of Globalization Studies* 1(2): 166–183.
- Grinin L., Korotayev A. 2012.** Does “Arab Spring” Mean the Beginning of World System Reconfiguration? *World Futures* 68(7): 471–505.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2014a.** Globalization and the Shifting of Global Economic-Political Balance. *The Dialectics of Modernity – Recognizing Globalization. Studies on the Theoretical Perspectives of Globalization* / Ed. by E. Kiss, A. Kiadó. Budapest: Publisher House Arostotelész. Pp. 184–207.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2014b.** Globalization Shuffles Cards of the World Pack: In Which Direction is the Global Economic-Political Balance Shifting? *World Futures* 70(8): 515–545.
- Grinin L., Korotayev A. 2015.** *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective.* New York, NY: Springer.
- Korotayev A. 2014.** Technological Growth and Sociopolitical Destabilization: A Trap at the Escape from the Trap? *Socio-Economic and Technological Innovations: Mechanisms and Institutions* / Ed. by K. Mandal, N. Asheulova, S. G. Kirdina. New Delhi: Narosa Publishing House. Pp. 113–134.
- Korotayev A., Malkov S., Grinin L. 2014.** A Trap at the Escape from the Trap? Some Demographic Structural Factors of Political Instability in Modernizing Social Systems. *History & Mathematics: Trends and Cycles* / Ed. by L. Grinin, A. Korotayev. Volgograd: ‘Uchitel’ Publishing House. Pp. 201–267.
- Korotayev A., Zinkina J., Bogevolnov J. 2011.** Kondratieff Waves in Global Invention Activity (1900–2008). *Technological Forecasting & Social Change* 78: 1280–1284.
- Lipset S. M. 1959.** Some Social Requisites of Democracy. *American Political Science Review* 53: 69–105.
- Londregan J. B., Poole K. T. 1996.** Does High Income Promote Democracy? *World Politics* 49: 1–30.
- Moore B. 1966.** *Social Origins of Dictatorship and Democracy.* Boston: Beacon Press.
- Rueschemeyer D., Stephens E. H., Stephens J. D. 1992.** *Capitalist Development and Democracy.* Chicago: University of Chicago Press.